

Скворцов О. Г.
Екатеринбург, Россия

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СФЕРЫ «LIGHT/DARKNESS»
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ**

УДК 81'27
ББК III 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сопоставительного направления в зарубежных исследованиях, посвященных семантической сфере «свет/тьма». Основное внимание уделяется сопоставлению ведущих концептуальных метафор и лингвокультурологической характеристике соответствующих образов.

Ключевые слова: семантическая сфера; сопоставительная лингвистика; когнитивная лингвистика; метафора; лингвокультурология; «свет/тьма».

Сведения об авторе: Скворцов Олег Георгиевич, проректор по научной и инновационной деятельности, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Институт международных связей (г. Екатеринбург).

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 33, оф. 40.

E-mail: ims@ims-ural.ru.

Skvortsov O. G.
Ekaterinburg, Russia

**CONTRASTIVE APPROACH IN THE RESEARCH
OF THE SEMANTIC SPHERE
«LIGHT/DARKNESS»
IN FOREIGN LINGUISTICS**

ГЧТИ 16.21.51
Код БAK 10.02.20

Abstract. The author considers in the article the peculiarities of contrastive linguistics in the works of foreign writers devoted to the semantic sphere «light/darkness». Special attention is paid to the comparison between leading conceptual metaphors and cultural-linguistic characteristic features of the corresponding images.

Key words: semantic sphere; contrastive linguistics; cognitive linguistics; metaphor; lingvocultural studies; «light/darkness»

About the author: Skvortsov Oleg Georgievich, vice-rector for academic and Innovative activities, candidate of philological sciences, professor, head of the department of general linguistics and cross cultural communication.

Place of employment: Institute of international relations (Ekaterinburg).

Историография исследования семантической сферы «Light/Darkness» во многом повторяет историю теоретической эволюции лингвистической науки. Исследование этой сферы было связано с методологией риторики и стилистики, компонентным и дискурсивным анализом, эвристиками когнитивной и гендерной лингвистики, а также многими другими методологическими подходами. В нашем предшествующем обзоре [Скворцов 2009] были рассмотрены особенности риторического направления в исследовании названной семантической сферы. В настоящей статье речь пойдет о **сопоставительных и типологических** исследованиях, в которых семантическая сфера «Light/Darkness» была рассмотрена на материале различных языков.

Именно сопоставительная лингвистика, по мнению целого ряда зарубежных специалистов, способна решить задачу верификации гипотезы об экспериенциальной природе и универсальности концептуальных метафор рассматриваемой семантической сферы. Поэтому значительная часть современных публикаций в этой области направлены на обнаружение аналогов концептуальных метафор, выявленных Дж. Лакоффом и его единомышленниками на примере английского языка, в других языках мира. Вместе с тем множество западных исследований в той или иной степени продолжают традиции риторического направления, особенно ярко представленного в трудах Майкла Осборна и его последователей [Osborn 1962, 1967, 1977 и др.].

Так, З. Ковечеш указывает на употребление метафор света для концептуализации счастья в таких генетически и типологически разных языках как английский (HAPPINESS IS LIGHT), венгерский и китайский [Kövecses 2000: 164-165]. Автор задается вопросом, как могло случиться, что в таких разных языках и культурах счастье концептуализируется одинаково? Маловероятно, что это сходство возникло в результате заимствования или случайного совпадения. Наиболее достоверным объяснением представляется универсальная мотивация этого сходства, основанная на общечеловеческом опыте, в духе теорий воплощенного разума и экспериенциального реализма, активно развиваемых Джорджем Лакоффом, Марком Джонсоном и их единомышленниками. Схожие выводы были получены при сопоставительном анализе метафорической концептуализации учения в Великобритании, Ливане и Китае. Сотни студентов из этих стран использовали понятие света для осмысления процесса учения [Cortazzi et al. 2008].

Богатый иллюстративный материал по сопоставлению английских и китайских метафор представлен в монографии Нинга Ю [Yu 1998]. Автор показывает, что английские метафоры HAPPINESS IS LIGHT и SADNESS IS DARKNESS имеют свои аналоги в китайской культуре. Для китайского языка столь же характерно описывать счастье через образы света, а грусть – с помощью метафор тьмы. К похожим выводам приходит исследователь, обнаруживший сходство между метафорами с семантикой света и тьмы в английском и тайском языках [Ukosakul 2003].

Испанские исследователи провели детальный сопоставительный анализ лексико-семантических полей «Light» (в английском языке) и «Luz» (в испанском языке) и пришли к выводу об их большом сходстве, что, по мнению авторов, подтверждает гипотезу Дж. Лакоффа о существовании в сознании человека универсальных образ-схем [Faber, Pérez 1993].

Если универсальность обнаруживается в столь далеких друг от друга языках, то вполне предсказуемыми оказываются результаты сопоставления метафор света и тьмы в родственных английскому германских языках. Необходимо отметить, что выводы о сходстве метафорических проекций в семантике германских лексем, относящихся к сфере света/тьмы, были сделаны еще в докогнитивной лингвистике. В рамках *лингвистической типологии* эти проблемы разрабатывались в работах О. Виберга [Viberg 1983, 1984] и А. Лерера [Lehrer 1974]). Хотя сходные с когнитивными изысканиями выводы получали исследователи, придерживающиеся разных теоретических установок (как до становления когнитивистики, так и после) [Boase-Beier 1994; Breithaupt 1995; Kahrs 2000; Klug 1986; Malmkjær 2004; Pache 1973; Villwock 1983 и др.], именно с популяризацией идей когнитивной лингвистики связан возросший интерес к семантике света и тьмы в германских языках.

Так, С. Сьерстрем [Sjöström 1999] показывает, что характерное для английского языка описание знания и объяснения посредством метафор света и освещения, невежества посредством метафор тьмы, а понимания с помощью образов визуального восприятия, столь же характерно и для шведского языка. Используя большой фактический материал, автор констатирует, что степень подобия моделей развития полисемии в двух языках очень высока. Объясняя это языковой и культурной близостью английского и шведского языков, С. Сьерстрем в качестве перспективы предложил сопоставить метафоры германских языков с генетически далекими и культурно близкими, финскими метафорами и генетическими и культурно далекими китайскими метафорами.

Метафоры, представляющие знание как свет и незнание как тьму, фиксирует Г. фон дер Липпе при сопоставлении прессы на немецком, норвежском и датском языках [Lippe 2004]. Автор отмечает интересные случаи совмещения таких метафор с особенностями конструирования национальной идентичности. К примеру, датские журналисты до сих пор придерживаются традиции принижать норвежцев, чья страна некогда была под властью датских королей. Датчане склонны ассоциировать свою страну с равниной, освещенной солнцем образования, а Норвегию представлять горой, погруженной в ночную тьму безграмотности [Lippe 2004: 392].

Тамаш Киспал поставил задачу изучить способы метафорической концептуализации жизни в немецких идиомах. В немецком языке тоже задействована метафора, концептуализирующая жизнь как свет (LEBEN IST LICHT), но в идиомах немцы используют этот образ только для счастливой жизни, что придает метафоре вид POSITIVES LEBEN IST LICHT. При этом автор считает метафору LEBEN IST LICHT вариантом более общей метафорической схемы жизни как цикла (LEBEN ALS ZYKLUS), которая может реализовываться через понятия света и тьмы, дня и ночи, смены времен года [Kispál 2008]. В другом исследовании Тамаш Киспал выявил в немецкой фразеологии концептуальную метафору NEGATIV IST DUNKEL [Kispál 2004].

Ту же немецкую метафору NEGATIV IST DUNKEL, но уже в паре с антонимичной метафорой POSITIV IST HELL изучила Х. Бальдауф, посвятившая исследованию когнитивных метафор в немецком языке специальную монографию [Baldauf 1997]. Х. Бальдауф посчитала, что предложенных Дж. Лакоффом и М. Джонсоном трех групп метафор (ориентационные, онтологические, структурные) недостаточно и вынесла примеры переносного употребления лексем *hell/dunkel* в группу так называемых «атрибутивных метафор» (Attributsmetaphern) [Baldauf 1997: 83]. В эту группу были включены метафоры, основанные на непосредственном сенсомоторном опыте и используемые для концептуализации абстрактных феноменов. В отличие от онтологических метафор атрибутивные метафоры не привносят в описание абстракций границы физического мира. При таком подходе метафоры *hell/dunkel* оказываются в одной группе с метафорами *warm/kalt, stark/schwach, schwer/leicht*.

В более узком контексте немецкие метафоры NEGATIV IST DUNKEL и POSITIV IST HELL рассматривал Ф. Зурманн, который ограничил материал для анализа дискурсом пожилых людей, имеющих проблемы со здоровьем [Surmann 2005]. Схожий подход применила Ю. Баркфельт в монографии, посвященной изучению способов метафорического конструирования образа депрессии в немецком языке [Barkfelt 2003]. Проводя исследования на примере дискурса больных клинической депрессией, Ю. Баркфельт не только выявляет немецкую метафорическую модель DEPRESSION IST DUNKELHEIT, но и ищет пути использования потенциала метафор света и тьмы для достижения психотерапевтического эффекта.

Метафоры NEGATIV IST DUNKEL и POSITIV IST HELL, а также LICHT IST POSITIV, но уже в «христологическом» дискурсе изучил Рубен Циммерманн [Zimmermann 2004]. Исследователь отдельно рассмотрел оппозицию *Licht-Finsternis*, часто актуализируемую именно в религиозном дискурсе, в отличие от оппозиции *Licht-Dunkel*, больше присущей обыденному языку. Схожие

выводы были получены в монографии И. Хартла, посвященной теологической метафорологии [Hartl 2008] и в монографии о метафорике Катарины Регины фон Грайфенберг, но уже в идиолектном аспекте [Pumplun 1995].

Дополнительные подтверждения того, что концептуальные метафоры NEGATIV IST DUNKEL (FINSTERNIS) и POSITIV IST HELL (LICHT) пронизывают самые разные сферы немецкоязычной коммуникации, привел Х. Бэртш, исследовавший способы метафорического конструирования образа Европы и Евросоюза в швейцарской прессе [Bärtsch 2004], и К. Коль, изучившая метафорические средства немецкой поэтики [Kohl 2007].

Несколько иначе сформулировал семантическую оппозицию света и тьмы в семантике немецкого языка Р. Шмитт [Schmitt 2000]. Автор указал на дихотомию *Licht* и *Schatten*, задействованную при концептуализации понимания и эмоций. Эта дихотомия проявляется в немецких словах и выражениях *einleuchten*, *ein lichter Moment*, *mir geht ein Licht auf*, *ein heller Kopf*, *eine Erleuchtung*, *ein Geistesblitz*, *strahlen*, *verfinstern*, *eine Stimmung aufhellt*, *sich verdüstern* и др.

Помимо сопоставления семантики света и тьмы специалисты уделяют внимание различиям в плане выражения. Эти различия оказались наиболее актуальны для исследователей в области **теории перевода**. Примером служит исследование английского перевода стихотворения немецкой поэтессы Розы Ауслендер «Damit kein Licht uns liebe» [Boase-Beier 1994]. Исследователь считает, что переводчики должны стремиться не только к передаче смысла, но и сохранению стилистических особенностей. Вместе с тем различия в плане выражения даже у родственных языков создают для следования этому постулату большие трудности. Для практического примера было выбрано стихотворение Розы Ауслендер, творчество которой обычно считается относительно легким для перевода, и которое содержит много образов, связанных со светом (*Sterne*, *Mond*, *Licht*, *Sonne*, *Sonnenfinsternis*). Как показывает анализ, в немецком оригинале важную роль играет синтаксический, фонологический и семантический повтор, который невозможно сохранить при переводе в виду различий в плане выражения. К примеру, в завершении стихотворения используются образы *Sonne* и *Sonnenfinsternis*, которые используются и для семантического противопоставления образов солнца и затмения, и для продолжения характерного для всего произведения повтора. Но это не просто повтор ради некоего общего принципа воспроизведения ассонансов и аллитераций, а поэтический способ противопоставления света и тьмы. И хотя слово *eclipse*, английский эквивалент немецкого слова *Sonnenfinsternis*, передает смысл, теряется характерный для стихотворения повтор созвучных корней. Схожие позиции занимают

исследователи прозаических переводов. В частности, К. Мальмкьер в том же ключе обсуждает стилистические нюансы перевода рассматриваемой лексики с датского на английский [Malmkjær 2004].

В рассмотренных выше исследованиях вопрос об универсальности концептуальных метафор, объективирующихся в метафорических выражениях с семантикой света и тьмы, решался преимущественно положительно. Однако некоторые исследования свидетельствуют о наличии культурной специфики в семантике этой сферы в духе идей лингвистической относительности. Эту группу изысканий можно отнести к **лингвокультурологическому направлению**. В зарубежной лингвистике нет однословного термина-синонима для области исследований, называемой в России лингвокультурологией. Эту область научных изысканий принято обозначать как *cultural studies in linguistics* (культурные исследования в лингвистике). Вместе с тем это расхождение относится к плану выражения, и применение термина лингвокультурология здесь уместно в виду совпадения предмета исследований обоих направлений.

Так, сравнение семантики света и тьмы в английском и японском языках показало, что выводы об универсальности не следует абсолютизировать. Категориальные представления о свете и тьме закреплены в японском языке иначе, чем в английском. В японском языке выделяются несколько степеней темноты, что закреплено в соответствующих лексемах. Также различается концептуальное содержание японских и английских лексем, выражающих понятие тени и религиозные смыслы [Kimie 2008].

Еще более контрастные различия наблюдаются при сопоставлении семантики, связанной со светом и тьмой, в английском и полинезийских языках [Keesing 1997; Shore 1996]. В последних даже базовые концепты, связанные с опытом человека, имеют культурную специфику. К примеру, понятия «верх/низ», «мужской/женский», и «светлый/темный» используются для описания понятий «к морю/на сушу», «священный/мирской» и «чистый/грязный», что нехарактерно для германских языков.

Как показывают обзоры Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, антитеза «света/тьмы» весьма характерна для политической коммуникации во многих странах, связанных с христианской культурой, причем свет всегда связан с позитивом, а тьма – с негативом; свет всегда связан со знанием, пониманием, а тьма – с непониманием, незнанием, неспособностью правильно относиться к политической реальности [Будаев, Чудинов 2007; Будаев 2008; Будаев, Чудинов 2009].

Дополнительные данные о лексемах семантической сферы «Light/Darkness» предоставляет **диахроническая лингвистика**. Как показы-

вает анализ англосаксонского, среднеанглийского и ранненовоанглийского этапов в развитии английского языка, метафоры *NEGATIVE IS DARK* и *POSITIVE IS LIGHT* были характерны для всех этапов его эволюции, что расширяет положения об универсальности этих концептуальных метафор не только в кросс-культурном, но и в диахроническом измерении. Вместе с тем диахронические данные демонстрируют, что некоторые из метафорических выражений, объективирующих рассматриваемые концептуальные метафоры, были устойчивы на протяжении времени, другие на определенном этапе становились более употребительными, третьи уходили на задний план [Ron Vaz 2006]. Схожие выводы получил Петер Крисп [Crisp 2001], обратившийся к анализу концептуальных метафор в английских средневековых аллегориях. Это изыскание подтвердило, что метафоры тьмы были столь же распространены в средние века, как и в наше время.

Диахронический анализ не ограничивается исследованием динамики семантики метафор света и тьмы. В публикации Р. Холла представлен детальный анализ древнеанглийских сложных существительных с семантикой тьмы [Hall 1987]. Тщательный анализ позволил уточнить семантику англосаксонских существительных *ælmyrcan* и *guðmyrce*.

Как показывает настоящий обзор, исследование семантической сферы «*Light/Darkness*» проводилось с использованием самых разнообразных методологических подходов. При этом нередко приходится наблюдать совмещение подходов. К примеру, установки гендерной лингвистики могут быть реализованы как в риторико-стилистическом, так и в когнитивном изыскании. Литературоведческий анализ может проводиться как с помощью методов когнитивной поэтики, так и на основе традиционной стилистики. Квантитативный анализ лексем может одновременно сочетать методы когнитивной и корпусной лингвистики и т.д. Поэтому подходы это не строго ограниченные участки научных изысканий, а круги Эйлера, нередко между собой пересекающиеся, что особенно заметно в периоды смены методологических предпочтений исследователей. Вместе с тем методологический синтез – закономерная черта развития современной лингвистики, эволюционирующей в сторону интердисциплинарности исследований. Лингвисты все чаще стали совмещать методологические разные подходы, надеясь получить новые результаты и увидеть прежде скрытые аспекты анализируемых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

Будаев Э.В. Семантический параллелизм политических метафор // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).

Дейнан Э. Метафоры. Справочник по английскому языку [Пер. с англ. С.Г. Томашина]. – М.: Астрель; АСТ, 2003. 256 с.

Скворцов О.Г. Риторическое направление в исследовании семантической сферы «*Light/Darkness*» (по материалам политической коммуникации) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 41-45.

Baldauf Ch. Metapher und Kognition. Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. 357 S.

Barker W. Lunacy of Light: Emily Dickinson and the Experience of Metaphor. – Carbondale, Ill.: Southern Illinois University Press, 1991. 218 p.

Barkfelt J. Bilder (aus) der Depression. Metaphorische Episoden über depressive Episoden: Szenarien des Depressionserlebens. – Konstanz: Hartung-Gorre, 2003. 498 p.

Bärtsch Ch. Metaphernkonzepte in Presstexten. Das Verhältnis der Schweiz zu Europa und zur Europäischen Union: Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Zürich. – Zürich: Universität Zürich, 2004. 233 s.

Bhatia A. Religious metaphor in the discourse of illusion: George W. Bush and Osama bin Laden // World Englishes. 2007. Vol. 26, № 4. P. 507-524

Boase-Barter J. Translating repetition // Journal of European Studies. 1994. Vol. XXIV. P. 403-409.

Breithaupt F. Echo. Zur neueren Celan-Philologie // MLN. German Issue. 1995. Vol. 110. № 3. P. 631-657.

Conceptual Metaphor Home Page. URL: <http://cogsci.berkeley.edu/lakoff/MetaphorHome.html>

Cortazzi M., Jin L., Bahous R., Bacha N. More than a journey: Metaphors for learning in China, Lebanon and the UK. Paper presented at the “7th International Conference on Researching and Applying Metaphor (RaAM 7)” on “Metaphor in Cross-Cultural Communication,” held at the University of Extremadura, Spain, 2008.

Crisp P. Allegory: conceptual metaphor in history // Language and Literature. 2001. Vol 10. № 1. P. 5-19.

Hartl J. Metaphorische Theologie: Grammatik, Pragmatik und Wahrheitsgehalt religiöser Sprache. – Berlin; Hamburg; Münster: LIT Verlag, 2008. – 520 s.

Faber P., Pérez Ch. Image Schemata and Light: A Study of Contrastive Lexical Domains in English and Spanish // Atlantis. 1993. Vol. XV. № 1-2. P. 117-134.

Hall J. R. Two Dark Old English Compounds: *ælmyrcan* (Andreas 432a) and *guðmyrce* (Exodus 59a) // Journal of English Linguistics. 1987. Vol. 20. № 1. P. 38-47.

Jarosh L. Constructing the Dark Continent: Metaphor as Geographic Representation of Africa // Geografiska Annaler. Series B: Human Geography. 1992. Vol. 74. № 2. P. 105-115.

Kahrs P. Thomas Bernhards frühe Erzählungen: Rhetorische Lektüren. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. 239 s.

- Keesing R. Constructing space in Kwaio (Solomon Islands) // Referring to Space: Studies in Austronesian and Papuan Languages [Ed. By G. Senf] – Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 127–141.
- Kimie M. Light and Darkness in English and Japanese // Kiyuu. 2008. № 33. P. 149–169.
- Kispál T. Leben ist eine Reise mit dem rollenden Stein und dem Moos. Sprichwörter in der kognitiven Metapherntheorie // Res Humanae Proverbiorum et Sententiarum: Ad honorem Wolfgangi Mieder / Csaba Földes (Hrsg.). – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. S. 129–139.
- Kispál T. Die metaphorische Konzeptualisierung des Lebens in deutschen Idiomen. Paper presented at Internationale Konferenz "Phraseologie: global – areal – regional" veranstaltet vom Germanistischen Institut der Universität Helsinki und von der Europäischen Gesellschaft für Phraseologie, 13.8.–16.8.2008.
- Klug Ch. Simultane Widersprüche: Ein Interpretationsvorschlag zum Werk Thomas Berndhars, dargestellt am Beispiel "Finsteris"-Metapher // Lili. Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1986. – Bd.16 S. 132–137.
- Kohl K. Poetologische Metaphern: Formen und Funktionen in der deutschen Literatur. – Berlin: Walter de Gruyter, 2007. 754 s.
- Kövecses Z. Are there any emotion-specific metaphors? // Speaking of Emotions. Conceptualization and Expression / Ed. by A. Athanasiadou, E. Tabaskowska. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 127–151.
- Kövecses Z. Happiness: A Definitional Effort // Metaphor and Symbolic Activity. 1991. Vol. 6. P. 29–46.
- Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 240 p.
- Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2002. 285 p.
- Lakoff G., Turner M. More Than Cool Reason: a Field Guide to Poetic Metaphor. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1989. 230 p.
- Lippe G., von der. Media Image. Sport, Gender and National Identities in Five European Countries // International Review for the Sociology of Sport. 2002. Vol. 37. № 2–3. P. 371–395.
- Malmkjær K. Translational stylistics: Dulcken's translations of Hans Christian Andersen // Language and Literature. 2004. Vol. 13. № 1. P. 13–24.
- Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967a. Vol. 53. P. 115–126.
- Osborn M. Patterns of Metaphor Among Early Feminist Orators // Rhetoric and Community: Studies in Unity and Fragmentation / Ed. by G. M. Hogan. – Columbia: University of South Carolina Press, 1998. P. 3–6.
- Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. – 1977. Vol. 63. P. 347–363.
- Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // Western Speech. 1967b. Vol. 31. P. 121–131.
- Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address // Speech Monographs. 1962. Vol. 29. P. 223–234.
- Pache W. Ein Ibsen-Gedicht Im Doktor Faustus // Comparative Literature. 1973. Vol. 25. № 3. P. 212–220.
- Pumplun C. M. Begriff des unbegreiflichen: Funktion und Bedeutung der Metaphorik in den Geburtsbetrachtungen der Catharina Regina von Greiffenberg (1633–1694). – Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1995. 344 s.
- Ron Vaz P. Coloring the World of Anglo-Saxon Emotions // The Historical Linguistics – Cognitive Linguistics Interface. – Huelva: Universidad de Huelva, 2006. P. 245–258.
- Schmitt R. Fragmente eines kommentierten Lexikons der Alltagspsychologie: Von lichten Momenten, langen Leitungen, lockeren Schrauben und anderen Metaphern für psychische Extremzustände. Unveröffentlichter Text, Version vom 1.5.2000 URL: <http://www.hs-zigr.de/~schmitt/aufsatz/grenzen.htm>.
- Shore B. Culture in Mind: Cognition, Culture, and the Problem of Meaning – Oxford: Oxford University Press, 1996. 432 p.
- Sjöström S. From Vision to Cognition. A Study of Metaphor and Polysemy in Swedish // Cognitive Semantics: Meaning and Cognition [J. Allwood, P. Gärdenfors] – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1998. P. 67–86.
- Surmann V. Anfallsbilder: Metaphorische Konzepte im sprechen anfallskranker Menschen. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. 422 s.
- Ukosakul M. Conceptual metaphors motivating the use of Thai 'face' // Cognitive linguistics and non-Indo-European languages [Ed. by E. H. Casad, G. B. Palmer]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 275–303.
- Viberg Å. A universal lexicalization hierarchy for the verbs of perception // Papers from the 7th Scandinavian Conference of Linguistics [Ed. by F. Karlsson] – Helsinki: University of Helsinki Press, 1983. P. 260–275.
- Viberg Å. The verbs of perception: A Typological Study // Explanations for Language Universals / Ed. by B. Butterworth, B. Comrie. – Berlin: Walter de Gruyter, 1984. P. 123–162.
- Villwock J. Metapher und Bewegung. – Frankfurt; Bern: Peter Lang, 1983. 403 s.
- Yu N. The Contemporary Theory of Metaphor: A Perspective from Chinese. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. 278 p.
- Zimmermann R. Christologie der Bilder im Johannesevangelium: Die Christopoetik des vierten Evangeliums unter besonderer Berücksichtigung von Joh 10. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2004. 551 s.

© Скворцов О. Г., 2009